

НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
НА СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ:
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.¹

Избранная И.В. Лукояновым для монографического исследования тема уже имеет многочисленную и разноплановую отечественную и зарубежную литературу. Стремление предложить новые взгляды и даже найти иное определение событий более чем вековой давности («World War Zero»²), обозначить не только их научное, но и политическое значение отчетливо проявилось в связи с недавним юбилеем Русско-японской войны 1904–1905 гг. Примечательно, что Лукоянов не только хорошо знаком с этими новейшими тенденциями в историографии, но и активно участвует в российских и международных проектах по изучению данной темы. В такой ситуации автор, как правило, идет двумя путями: предлагает новую концепцию, оригинальные методологические подходы и интерпретацию уже имеющих документов или сосредоточивает главное свое внимание на поиске новых источников, что позволяет не только расширить наши представления об избранной теме, существенно скорректировать выводы предшественников, но и предложить собственное видение исторической проблематики. Очевидно, что И.В. Лукоянов пошел по второму пути.

Это в значительной степени объясняет, почему автор так много места уделил обзору исследовательской литературы, которая, повторюсь, весьма обширна. Не случайно и то, что он не только во введении предлагает нам подробный историографический очерк, но и в основной части монографии систематически обращается к работам своих предшественников. Разумеется, Лукоянов не мог не уделить особого внимания работам своего именитого предшественника Б.А. Романова, выступая не только его последователем, но и весьма догошным оппонентом, стремясь превзойти его количеством и качеством собранного материала. Однако в такой ситуации автор обрек себя на то, чтобы постоянно доказывать, что Б.А. Романов в чем-то ошибался, что-то упустил, с чем «нельзя согласиться», или трактовал события в угоду политической конъюнктуры, не всегда

корректно с научной точки зрения. Между тем, несмотря на упрек, который И.В. Лукоянов адресует Б.А. Романову в том, что тот преувеличил роль С.Ю. Витте в дальневосточной политике и по сути дела отождествил его персональные позиции с внешней политикой империи, сам он неоднократно подчеркивает «ведущую», «ключевую» роль Витте в дальневосточных делах, и не только применительно к периоду весны 1895 – зимы 1897 гг. Мне же представляется, что Романов не был столь категоричен и в его трудах, помимо Витте, выведены и многие другие влиятельные персоны, которые на всех этапах существенным образом нарушали виттевскую дальневосточную «монополию» и успешно конкурировали с ним. Влияние С.Ю. Витте на дела в регионе «было хотя и преобладающим, но идущим по нисходящей линии», подчеркивается и в рецензируемой монографии. Подводя итоги своего исследования, Лукоянов соглашается с романовским выводом, «что уже в 1901 – начале 1902 г. самодержец стал испытывать сомнения относительно политики министра финансов и дальнейших действий России на Дальнем Востоке». Не стоило бы, очевидно, столь категорично заявлять, что в центр своей книги «Очерки дипломатической истории Русско-японской войны» Романов поместил политику США. В доказательство своего тезиса И.В. Лукоянов приводит такого рода замечание самого Б.А. Романова, сделанное тем в письме к академику А.Л. Сидорову. Вместе с тем содержание солидного и не потерявшего своего научного значения труда Б.А. Романова вряд ли может быть воспринято только так (особенно в событиях до Портсмута), даже если принять во внимание, в какой политической атмосфере приходилось работать знаменитому предшественнику автора новой книги.

Еще более значимым для данного исследования оказался поиск новых источников, в чем И.В. Лукоянов преуспел и что может быть поставлено ему в несомненную заслугу. Заявленное в методологическом разделе стремление следовать принципу «объективности» автор стремится реализовать за счет максимально широкого круга источников, их перекрестной критики, выявляя не только природу того или иного документа, но причины и обстоятельства его появления. Один только перечень архивохранилищ и архивных фондов поражает, и остается удивляться настойчивости и удачливости автора, его высокому уровню источниковедческой подготовки. Конечно, можно было бы обратиться еще и к материалам РГИА ДВ, что расширило бы этот и без того внушительный список материалов, но, зная состояние фондов этого архива по данной тематике, могу свидетельствовать, что это не повлекло бы существенного пересмотра даже частных выводов автора.

Выбор объекта и предмета исследования, его цель и задачи, вне всякого сомнения, являются масштабными и ориентированными на решение важных научных

1 [Рецензия на монографию] Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.

2 The Russo-Japanese war of 1904–1905 in global perspective // World War Zero / Ed. J. Steinberg, et. al. Leiden-London. 2005. См. также недавний перевод на русский язык: Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое лит. обозрение, 2009. А также: Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. Гл. 4. Новые имперские устремления и старые управленческие проблемы (рубеж XIX–XX вв.)

проблем, стоящих перед историками. Автор задается главными вопросами, которые волнуют уже не одно поколение исследователей: в чем причины того, что Россия оказалась неспособной проводить эффективную политику на дальневосточной окраине? Каким образом Российская империя стремилась «не отстать от великих держав», комбинируя современные и домодерные практики в дальневосточной политике? Именно такой подход определил композицию книги.

Структура монографии вполне логична, материал организован по проблемно-хронологическому принципу, что позволяет последовательно решать поставленные задачи. Автор сосредоточил свое внимание на ключевых проблемах и этапах, может быть, хронологически и непродолжительного периода, но весьма насыщенных событиями и спрессованного по времени в своей динамике. Это строительство Сибирской железной дороги (споры вокруг ее значения и предназначения), КВЖД, порто-франко, торговые и промышленные компании, железнодорожные концессии и банки, Корея, аренда Ляодунского полуострова, Боксерское восстание, действия европейских держав и Японии, Портсмутский мир. Автор не проходит мимо идеологических аспектов дальневосточной политики, правда не делая это направление специальным в своем исследовании. Однако его наблюдения и в этой части, особенно в описании той борьбы, которая развернулась по поводу мотивов российской имперской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а затем и поиска виновных, приведших к войне, являются ценными и вносят существенный вклад в изучение темы. Иногда изложение материала в монографии из исследования превращается в расследование, настолько скрупулезным становится проработка деталей в картине событий, имевших место в правительственных сферах. Столкновение документов, «война перьев» становятся частью острой борьбы вокруг выбора политического курса и его презентации российскому обществу.

На этом фоне автор демонстрирует, как в сценариях имперской политики представлены военные, дипломатические, финансовые приемы, появляются все новые и новые акторы, как российский Дальний Восток из «забытого края» превращается в региональный центр мировой политики. Важно подчеркнуть, что при этом обращается внимание не только на позиции ведущих европейских империй, США и Японии – Китай и Корея не выглядят исключительно страдающей стороной, но и сами стремятся проводить активную политику и играть на противоречиях соперничавших держав. Несомненной заслугой И.В. Лукоянова следует признать, что он не только обозначил и проиллюстрировал свежим материалом ключевые проблемы дальневосточной политики, но и показал, как они были взаимосвязаны, как разворачивались эти проблемы во времени и пространстве, взаимно подпитывая и обуславливая друг друга. Это хорошо видно в изложении взаимозависи-

мости корейского и маньчжурского вопросов, которые в историографии нередко рассматриваются отдельно.

Хотелось бы акцентировать то, что автор с присущей ему научной добросовестностью и тщательностью анализирует действия различных имперских ведомств, задействованных в выработке правительственного курса на Дальнем Востоке, предлагает аргументированный вывод о причинах политических неудач, видя их не столько в утрате реальности и авантюризме разного рода политиков и «дельцов», сколько в отсутствии согласованных действий министерств и региональных чиновников, что было порождено самой природой авторитарной власти Российской империи. Во всех этих событиях действуют люди с их убеждениями и предубеждениями, амбициями и корыстными намерениями, разными интерпретациями национальных интересов, геополитическими проектами и прогнозами.

Так, С.Ю. Витте, как убедительно демонстрирует автор, не только сохранял долгое время ключевую роль в дальневосточной политике, но и предложил новые, как бы мы сейчас определили, современные механизмы имперской политики, сделав главными союзниками России не только ее армию и флот, но железные дороги, концессии, банки, торговые и промышленные компании. Подкрепленные военным могуществом империи, эти средства, казалось, не только могли бы дать больший эффект, но, главное, не поставить Россию под удар новой войны, перевести имперскую экспансию в «мирное» русло. Однако именно эти новые методы продемонстрировали на Дальнем Востоке отсталость России, ее неспособность конкурировать на экономическом поле с ведущими мировыми державами. Индустриально слабо развитая, пространственно фрагментированная и финансово «бедная» империя оказалась не готова к борьбе на основе экономического соперничества, что и обусловило преобладание уже испытанных методов территориальной экспансии, к чему все больше склонялись военные. Это приближает нас к пониманию того, как Россия модернизировалась, в том числе в столь специфичной сфере, как имперская политика, позволяет уточнить: была ли она «особенной» или двигалась по тому же пути, что и другие европейские державы, наращивая в своем арсенале средства, заимствованные у своих колониальных конкурентов.

Когда С.Ю. Витте «мечтал» об экономическом завоевании Китая, то дело было не только в непонимании, что в этом будут призваны сыграть ведущую роль не частные, а исключительно казенные средства. Вероятно, как и его оппонент, военный министр А.Н. Куропаткин, который писал о Маньчжурии как о запасе земли для следующих поколений русских крестьян, Витте мог видеть подобную перспективу и в развитии русского бизнеса. Это могло быть своего рода переводом прежней имперской мотивации с языка «сельскохозяйственного империализма» на, как казалось, более современный язык индустриального развития в будущем, при сохранении ведущей роли государства.

Таким образом, в столкновении разных сил, как это хорошо видно из приведенного в монографии материала, шла борьба не только разных ведомств или личных амбиций, но и разных моделей, которые могут быть описаны в категориях традиционной или современной «политической культуры». При этом автор отмечает усиление роли военных, прежде всего Куропаткина, после китайских событий 1900 г. Представляется существенным авторское наблюдение, что имела принципиальная разница в подходах у Витте и Куропаткина, что военные «придерживались совершенно иных представлений о том, как следовало действовать на сопредельных России территориях, полагаясь больше на силу штыков, чем рубля, и выступая за насильственное присоединение части Маньчжурии к России». Сама мысль об экономических выгодах занятия новых территорий казалась А.Н. Куропаткину абсурдной – о том, что это может быть выгодно только небольшой кучке людей, которые будут основывать предприятия на казенные или иностранные деньги, а заплатит все равно русский мужик. Для военного министра главным оставалось стремление «спрямить» российско-китайскую границу, чтобы обеспечить ее надежную охрану. Он так и не смог понять, как может начаться война «из-за какой-то железнодорожной ветви».

Все это в совокупности дает целостную, хотя и внутренне противоречивую картину борьбы, которая развернулась в правительственных сферах Российской империи вокруг дальневосточных проблем. Упомяну также дальневосточного наместника Е.И. Алексеева, сведения о биографии и статусных изменениях которого рельефно вписаны в общую канву внутриправительственного противостояния. На страницах книги Алексеев предстает человеком честолобивым, политиком недалеким, с экспансионистскими наклонностями (выделяющимися даже на фоне других военных). Но важно подчеркнуть другое: автор не упускает из внимания попытки наместника дистанцироваться от безобразовцев (сторонников А.М. Безобразова), что многими современниками, а затем и исследователями обычно игнорировалось. Это особенно важно, если принять во внимание окончательное суждение Лукоянова, что главными виновниками войны были Алексеев и безобразовцы, которые также удостоились в монографии отдельных биографических очерков.

Еще одним важным наблюдением автора стало соединение в общий контекст «официальной» и «неофициальной» царской политики, что позволяет приблизиться к одному из самых главных вопросов, который сформулирован в качестве специальной задачи: «Выявить взаимосвязь возникновения Русско-японской войны и общего состояния российской власти как системы управления империей». Автор отслеживает, как усложнялся механизм выработки и принятия политических решений, появлялись новые, в том числе и вневедомственные, технологии влияния, а региональные власти оказывались под давлением разнородных цент-

ров в Петербурге, происходили институциональные изменения в структуре управления империи. Однако это, делает вывод автор, не повысило эффективность принимаемых решений, а привело к еще большей несогласованности в действиях тех, кто был ответственен за политический курс в регионе. Вполне обоснованным и научно значимым представляется вывод, что «кризисные явления в действиях России на дальневосточной окраине только усилились. Их апогеем стало даже не отсутствие последовательного курса, а разрушение прежнего, централизованного механизма руководства ею благодаря созданию наместничества».

Действительно, пространство власти может быть описано как треугольник, вершиной которого был император, управляющий окраинами через министров и генерал-губернаторов. Это было своего рода поле принятия политических решений, эффективность которых во многом зависела от согласованности в действиях всех акторов имперского управления. Российский самодержец вынужден был делегировать часть своих прерогатив министрам и генерал-губернаторам, предпочитая это делать по заведомо неясно прочерченным линиям, стремясь, таким образом, обезопасить себя от излишних бюрократических процедур и сохранить личную инициативу в азиатской политике. Современниками неоднократно отмечалась привычка российских монархов играть на противоречиях, сталкивать своих ближайших сотрудников, находя в их разногласиях дополнительные гарантии своей неограниченной власти. Это было связано с известным недоверием к своим министрам, что было особенно присуще Николаю II, который пребывал в плену старомосковских представлений о роли царя, опасался «расхищения» монархической власти бюрократией. Именно на Дальнем Востоке он намеревался проявить свою самостоятельность, найти новое поприще для своего «славного» царствования. Сдержанность и осторожность министров создавали лишь досадные помехи, от которых он и поспешил отделаться, создав иную вертикаль региональной власти: наместник – Комитет Дальнего Востока – император. Хотя эпитеты «региональный царь», или «империя в империи», применяемые И.В. Лукояновым, могут показаться слишком сильными, но они не лишены оснований. Я бы только не стал преувеличивать уникальность дальневосточного наместничества (не умаляя его специфики), напомнив о полномочиях кавказского наместника времен князей М.С. Воронцова и А.И. Барятинского, или великого князя Михаила Николаевича, на опыт которых прямо ссылались на Дальнем Востоке.

Как всякая хорошо сделанная научная работа, рецензируемая монография будит мысль, инициирует новые исследовательские замыслы, вовлекает в научную дискуссию, порождает полемические вопросы. Таких вопросов возникает как минимум три.

Во-первых, автор декларирует намерение рассматривать действия тех, кто был включен в процесс

выработки политического курса с позиций «технологии власти», не объясняя, что же он имеет в виду в данном случае, и ограничивается ссылкой на вряд ли репрезентативную в данном случае метафору А. Авторханова. Между тем такой подход активно используется в современной политологии, и историки также находят ему достойное применение. К сожалению, автор прошел мимо такого важного методологического определения, как «политическая культура» российской элиты, что помогло бы более четко обозначить разницу в моделях поведения политических акторов, задействованных в выработке правительственного курса на Дальнем Востоке. Появившееся в формулировке задач исследования, казалось бы, столь важное понятие, как «экономический колониализм» С.Ю. Витте, практически не употребляется в тексте и не получило внятного объяснения.

Во-вторых, не совсем логичными в свете поставленной и в целом успешно решаемой задачи – представить всю сложность расклада сил в правящих кругах и неустойчивость позиций Николая II – смотрятся фразы: «Россия продолжала колебаться», «Петербург» занял позицию и т.п. Из текста не всегда понятно, о чьей позиции идет в данном случае речь? Имеем ли мы дело уже с согласованным мнением (кого и с кем?), или это чье-то решение, поддержанное императором, или политическая воля самого монарха?

В-третьих, был ли у российских политиков на Дальнем Востоке «оптимистичный» сценарий или любые их акции, кроме полной капитуляции и свертывания своих планов в Китае и Корее, неизбежно вели к войне с Японией? Так или иначе, такой вопрос возникает как при прочтении монографии И.В. Лукоянова, так и в ходе научных дискуссий на разного рода конференциях. Где находилось та точка бифуркации, после которой поворот к мирному развитию событий был уже невозможен? «Реабилитация» С.Ю. Витте, попытка снять с него обвинение в развязывании войны, возвращает нас к давним спорам (и не только с Б.А. Романовым, но и с

современными историками), которые, хотя и обогатились новыми аргументами, но все еще далеки от того, чтобы ставить точку. Конечно, не видеть разницу в позициях, которые занимали разные действующие лица в этой борьбе, было бы большой ошибкой, над преодолением которой автор много потрудился и добился весомых успехов. Вместе с тем мне импонирует вывод И.В. Лукоянова: «*Причины Русско-японской войны – не в том, что безобразовцы вообще появились и развязали конфликт, а в том, что они **смогли** появиться*». Это переводит проблему уже в иную плоскость, в которой исследовательские заслуги автора несомненны, а выводы носят плодотворный характер.

Книга И.В. Лукоянова, несмотря на полемический характер некоторых выводов, свидетельствует об особой ценности для дальнейших изысканий в столь перспективной теме, все еще остающейся предметом острой научной дискуссии. Автору удалось представить новый взгляд на старые проблемы, подведя под свои выводы мощную источниковую базу. Безусловно, после исследований Лукоянова наша наука пополнилась ценными историческими данными, а картина политической борьбы вокруг дальневосточных проблем стала более сложной и многокрасочной. И это позволяет лучше понять не только историю внешней политики России конца XIX – начала XX в., но и механизмы функционирования самодержавной власти.

*РЕМНЁВ Анатолий Викторович,
доктор исторических наук,
профессор кафедры
дореволюционной отечественной истории
и документоведения
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского
E-mail: remnev55@rambler.ru*

— — — — —